

Чепелева Н.В. Конструирование нового опыта личности в обыденных ситуациях *Досвід особистості: теорія і практика. Збірник матеріалів ІХ Міжнародної науково-практичної конференції (27-28 лютого 2020 р., м. Ніжин) / за ред. М.В. Папучі. Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2020. [283 с.] С. 7-11.*

Чепелева Н.В.
доктор психологічних наук, професор, дійсний член НАПН України,
заступник директора з науково-дослідної роботи Інституту психології
імені Г.С. Костюка НАПН України,
м. Київ, Україна

КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВОГО ОПЫТА ЛИЧНОСТИ В ОБЫДЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

Течение опыта нормального взрослого человека в жизненном мире обыденности определяется последовательностью ситуаций, для действия в которых у него есть готовые схемы интерпретации, сценарии, способы поведения. При этом существует двойственное существование ситуаций. С одной стороны – в культуре посредством запечатленности в ее текстах, с другой – в субъективном опыте личности, в частности в имеющемся у нее запасе, репертуаре культурных, личных, социальных и т.п. историй.

Когда человек оказывается в какой-нибудь привычной ситуации, он привносит в нее отложившееся в опыте свое понимание ситуации, как правило, соответствующее уже сложившимся представлениям о типичной ситуации и о сценариях действия в ней. Таким образом, ситуация является как бы навязанной ему в своей типике, что предполагает использование уже имеющихся в наличие интерпретационных схем толкования, сценариев действия и "традиционных", типичных решений проблемы.

Как отмечают Шюц и Лукман, следует различать интерсубъективные, так сказать "социализированные" в актуальной ситуации тематические релевантности и социальные данности в узком смысле, как, например, близкие люди, институты и т.п. Индивид оказывается в ситуации со своей системой мотивационных и интерпретационных релевантностей, т.е. он привносит ситуацию определенные установки планы, наброски действий и запас уже сформированных толкований и типизаций. Привнесенная субъективная система интерпретационных и мотивационных релевантностей обуславливает то, что в актуальной ситуации переживается в опыте как само собой понятное и рутинное, а что как проблематичное и требующее истолкования и освоения [3].

Иными словами, сам факт пребывания человека в однотипных или близких по содержанию, а значит и по способу действия ситуаций, делает ее заданной типичной. Способствует этому и нарративизация личного опыта, т.е. опыта пребывания в различных ситуациях. Кроме того, подобие

жизненных проблем разных людей является предпосылкой для возникновения подобных тем в социокультурных нарративах. Возникает 8 то, что можно назвать тематическими проблемными лейтмотивами. То же происходит и с метанарративами, схематизирующими типичные ситуации соответственно социальной роли личности, группе, культуре или сообществу.

Многие из таких типичных ситуаций заданы социумом и культурой через типичные метанарративы культуры. Кроме того, заданность ситуации определяется и ближайшим социальным окружением человека, в частности теми групповыми, семейными и т.п. мифами, историями, в которых также отражены типичные схемы реагирования на ситуацию.

Возможна также ситуация, когда опыт, хотя и соответствует схеме интерпретации и типике запаса знаний личности, но в новой ситуации требует осмысления, поскольку уровень типики является недостаточным. Он был адекватен только какой-то определенной, конкретной ситуации.

Новая ситуация требует расширения или видоизменения типики. Это заставляет личность на основе актуального опыта начинать новые толкования. Когда же мы сталкиваемся в опыте с чем-то до сих пор еще не известным и выходящим за рамки нашего обыденного знания, неконгруэнтным нашему опыту, то несомненность опыта “взрывается” и мы начинаем процесс исследования. Первым делом мы определяем новый факт; мы пытаемся уловить его смысл; далее мы шаг за шагом трансформируем нашу общую схему интерпретации мира таким образом, чтобы странный (чуждый) факт и его смысл стали совместимыми и согласованными со всеми другими фактами нашего опыта и их смыслами.

Так мы расширяем и перестраиваем наш запас опыта [2]. Таким образом, при встрече с новыми ситуациями можно попытаться включить их в старые концептуальные и нарративные структуры (иногда это получается, если старые и новые ситуации имеют сходные черты), однако, чаще всего, такая попытка безрезультатна и вызывает еще большее напряжение, что, в свою очередь, может вести к полной дезинтеграции личности.

Иначе говоря, к таким ситуациям не приложимы старые схемы и сценарии их понимания и действия в них. Они требуют выработки новых схем, как действия, так и описания их. Если для решения типичных проблем, возникающих в типичных ситуациях, мы используем культурный образец, который и обеспечивает своими рецептами все типичные решения типичных проблем, то для новых ситуаций особенно кризисных, травмирующих готовые схемы интерпретации и, соответственно, нарративы не годятся.

В такой ситуации начинает выстраиваться новые схемы с помощью двух основных механизмов понимания и интерпретации личного опыта – семиотического и коммуникативного [1].

Работа семиотического механизма заключается в том, что начинает перестраиваться старый тезаурус за счет формирования новых значений, позволяющий определить новые денотаты. Это способствует 9 лучшему

пониманию (означиванию) того, что происходит. Затем, когда новый тезаурус выстроен, происходит, с одной стороны, структурирование ситуации, а если нужно и ее переструктурирование в соответствии с новым тезаурусом, с другой – этот процесс понимания новых ситуаций на основании новой концептуальной структуры способствует созданию новых концептуальных схем. Эти схемы включаются в имеющиеся у личности структуры опыта и начинают действовать как интерпретативные схемы в типичных жизненных ситуациях.

Действие коммуникативного механизма проявляется в том, что новая ситуация проговаривается во внешней и внутренней речи. При этом на первом этапе ее осмысления личность пытается использовать готовые нарративные структуры, уже имеющиеся в опыте. В некоторых ситуациях это срabатывает, если имеющиеся у личности нарративные ресурсы достаточно богаты и дают возможность приспособить их к новой ситуации. Однако чаще всего для понимания новой ситуации и ее адекватной интерпретации необходимо создать новые нарративы, которые, не нарушая базовый нарратив (личностную идентичность), встраиваются в общую историю жизни личности. Хотя бывают такие ситуации, (ситуации острого кризиса), которые полностью разрушают базовую концепцию личности и требуется сложная внутренняя работа (чаще всего с помощью специалиста), которая помогает выстроить новую нарративную систему, по сути, новую личную идентичность.

Как правило, новые нарративы создаются (в процессе внешнего и внутреннего проговаривания) на основе новых ментальных образований (тезауруса, схем, концептов и т.п.). Причем новые нарративные образования, с одной стороны, используют новые ментальные структуры, с другой – опираются на базовые концепты личности (прежде всего ее Я-концепцию), так и на ее базовый нарратив. Поэтому большую роль играют уже имеющиеся у личности базовые концепты и нарративы. Так, например, если личность характеризуется негативной Я-концепцией, что может соответствовать базовой нарративной теме (лейтмотиву), например, "Я – неудачник", то и новое нарративное образование, независимо от особенностей новой ситуации, будет строиться на основе этих личностных образований. Иначе говоря, хотя для осмысления новой ситуации и встраиваются новые концепты, но основной ее смысл, извлекаемый личностью в процессе интерпретации, часто соответствует смыслу базовых составляющих личности. Поэтому новые ситуации, вместо того, чтобы трансформировать личностный опыт, часто только подкрепляют имеющийся опыт, т.е. имеющиеся базовые ментальные конструкторы личности, прежде всего концепты и нарративы.

И требуется достаточно сложная внутренняя работа, которую могут провоцировать значимые кризисные переживания (причем кризисы могут базироваться как на негативных событиях, так и на событиях **10** позитивных – кризис, связанный с успехом), чтобы трансформировать личностный опыт и на его основе переосмыслить новую ситуацию.

Иными словами, если удастся отойти от уже сформировавшихся устойчивых личностных образований, например, с помощью других, диалога с ними, то старый нарратив начинает "разрыхляться" – новый опыт вступает в конфликт с имеющимися базовыми структурами личности. При этом текст базового нарратива теряет свою целостность (а иногда и связность), завершенность, и личность начинает сложную внутреннюю работу по его восстановлению. При этом для разрешения возникшего внутреннего конфликта возможны два пути – новый опыт отбрасывается и старый нарратив восстанавливается во всей своей целостности и завершенности, или же он переосмысливается, трансформируется, наполняется новым смыслом, переструктурируется и выстраивается новый текст, новый нарратив, соответствующий изменениям внешней ситуации и личностным изменениям. Хотя может возникнуть ситуация, при которой новый опыт просто отвергается, не включается в структуру уже имеющегося опыта как что-то "неправильное", "несущественное" или даже "вредное".

Отсюда следует, что в процессе осмысления личного опыта огромную роль играет диалог – как внешний, так и внутренний, можно сказать, что этот процесс в принципе диалогичный. Только диалог позволяет личности двигаться в пространстве своего личного опыта, формируя новые концептуальные схемы и новые нарративные структуры и тем самым развиваясь. Если нет диалога, нарратив может редуцироваться до личного мифа, образования по определению недиалогичного, и личность будет стагнироваться – устойчивый миф (а миф всегда устойчивый, ригидный) часто не дает решения новых проблем, не способствует пониманию новой ситуации, тем самым, усиливая напряжение, ведя к кризису и даже к полной личностной дезинтеграции.

Иначе говоря, полностью новая (проблемная) ситуация требует выработки новых схем интерпретации, типизации. Если выявляется несоответствие схемы интерпретации определенной проблеме, тогда человек обращается к толкованию с помощью других схем интерпретации, которые до этого не были непосредственно релевантными. Кроме того, в процессе интерпретации новой ситуации могут привлекаться новые темы, если новая ситуация является тематически нерелевантной уже существующим. И тут много зависит от того, что можно назвать нарративным богатством опыта и нарративной компетентностью личности, т.е. умение привлечь в процессе интерпретации незнакомой ситуации не только новые схемы интерпретации, но и попытаться связать ее с новой темой. Конечно, такое становится возможным только при наличии достаточного нарративного репертуара, хранящегося в опыте, то есть социокультурных ресурсов личности. **11**

Таким образом, можно предположить, что в процессе жизни базовый нарратив, являющийся средством фиксации не только опыта личности, но и ее идентичности, все время перестраивается, дополняется другими фактами, переосмысливается и переструктурируется под влиянием различных событий, которые, в свою очередь, осмысливаются и включаются в личностный опыт в

виде различных историй, т.е. он является открытым произведением, завершающимся только после завершения жизни личности.

Литература:

1. Проблемы психологической герменевтики / под ред. Чепелевой Н.В. – К.: НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2009. – 382 с.
2. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А.Шюц. – М.: РОССПЭН, 2004 – 1056 с.
3. Шюц А., Лукман Т. Структури життєсвіту / А. Шюц, Т. Лукман – К.: Центр духовної культури, 2004. – 560 с.